

Определяясь со значением понятия «мораль», я бы отталкивался от расхожего, общераспространенного смысла таких слов, как «моральный» (аморальный) или «нравственный» (безнравственный). Этот смысл не является строго зафиксированным, границы его подвижны, имеются случаи нехарактерного словоупотребления, что, собственно, и требует дополнительной аналитической работы, однако, он вполне может быть выявлен. Для начала необходимо попытаться найти какие-то базовые языковые маркеры, т.е. слова, которые нетеоретизирующему носителю языка сигнализируют о том, что он выносит моральные (нравственные) оценки или просто сталкивается с ними. В числе таковых прежде всего следует выделить слово «долг». Моральная оценка чьих-то поступков или свойств личности – это оценка, фиксирующая выполнение или невыполнение кем-то своего долга. При этом подразумевается, что моральный (нравственный) долг – это особый долг, по некоторым признакам отличный от служебного, гражданского, профессионального, религиозного и т.д. Кроме понятия «долг», которое фиксирует вмененность, или обязательный характер, определенного действия или переживания, указателями сферы моральных оценок являются те понятия, которые фиксируют специфику самих действий и переживаний, вмененных нравственному человеку. Эти парные оценочные термины применяются для того, чтобы выразить свое убеждение в том, что долг выполнен или не выполнен, что поступок носит моральный или аморальный характер, что человек проявляет себя как личность большего или меньшего морального качества. Такими оппозициями «честное (справедливое) – нечестное (несправедливое)», «жестокое» – «милосердное (сострадательное)», «достойное» – «недостойное». Последняя пара приобретает самостоятельное значение, когда действия, нарушающие долг, не приносят ущерба другому человеку, но все равно свидетельствуют о низком качестве личности действующего человека.

Опираясь на эти маркеры, анализируя отграничиваемую ими сферу, можно зафиксировать несколько признаков морали, которые отчетливо делятся на содержательные и формально-функциональные, другими словами, на относя-

---

¹ Андрей Вячеславович Прокофьев – доктор философских наук, профессор кафедры этики философского факультета МГУ, автор книг «Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали», «Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов», «Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости».

щиеся к ценностям и принципам и на относящиеся к способам их воплощения в человеческой практике. Начнем с формальных признаков. Первый из них фактически тождественен содержанию слова «долг». Мораль есть область принципов и норм – негативных и позитивных требований (Р. Хэар отразил это обстоятельство в виде формулировки «моральные суждения прескриптивны»). Кто же в случае морали выступает в качестве внешней авторитетной инстанции, выдвигающей требования, а кто – в качестве сопротивляющегося, но в конечном итоге принимающего их адресата? Можно сказать, что для морали характерно соединение этих двух элементов в едином человеческом Я. Выступая в качестве «высшего Я», оно диктует требования, выступая в качестве «нижнего Я», оно им сопротивляется. «Нижнее Я» содержит те мотивации, которые подвергаются более или менее успешному торможению и преобразованию на основе предписаний, исходящих от «высшего Я». Эта модель сохраняется даже в тех моральных доктринах, которые допускают трансцендентный исток нравственной нормативности. Элементы самозаконотательства в данном случае сохраняются за счет свободного присоединения «высшего Я» к нормам, которые порождены объективным разумом или божеством. За подобным пониманием стоит особая антропология и даже метафизика личности, структурно интегрированная в моральное сознание: мотивы и психологические диспозиции подлежат ответственному личному контролю, хотя бы в ситуации их конфликта.

Другое формально-функциональное свойство морали – универсальность. Суждения, в которых задействованы моральные понятия, претендуют на всеобщий характер. Эти суждения таковы, что, высказывая какое-то из них в определенной ситуации, мы предполагаем две вещи: то, что мы сами будем воспроизводить его во всех подобных случаях, и то, что любой разумный и наделенный моральной чувствительностью человек должен присоединиться к нему. В противном случае он сам заслуживает морального осуждения. Например, действия, причиняющие ущерб, могут быть описаны пострадавшим от них человеком исключительно в терминах личной обиды или же в моральных терминах, т.е. как неуважение к его человеческому достоинству. Именно во втором случае высказывание суждения порождает обязанность последовательности в будущем и ожидание всеобщей поддержки. Универсализуемые суждения являются таковыми, поскольку опираются на принципы и нормы, которые не содержат указаний на конкретных индивидов. Они включают в себя лишь описания, под которые могут попадать разные индивидуальные субъекты. При этом обязательность принципа или нормы не меняется в зависимости от того, какие именно индивидуальные субъекты, соответствующие описанию, оказались задействованы в конкретной ситуации, которая

требует оценки или принятия решения. Данное обстоятельство относится как к потенциальному деятелю, так и к тем людям, чьи интересы затрагивает его действие. Поэтому можно сказать, что универсальность моральных принципов и норм состоит в их «общеадресованности», не позволяющей тому, у кого есть определенная обязанность, уклоняться от ее исполнения по субъективным причинам, и в «беспристрастности», не позволяющей ему произвольно выбирать тех, по отношению к кому эта обязанность должна исполняться.

Третье формально-функциональное свойство моральных принципов и норм – приоритетность. Оно проявляется в ситуации конфликта моральных и иных требований и ведет к тому, что моральные требования перевешивают по своей значимости все остальные. Конфликтующие с моральным долгом требования разнородны: они могут быть связаны с кодексами, регулирующими жизнь определенных сообществ и институтов (позитивный закон, обычай, должностные обязанности и т.д.), могут быть продуктом иных ценностно-нормативных сфер культуры и индивидуального опыта. Моральный долг в определенных ситуациях противоречит долженствованию, порожденному ценностями истины, красоты или религиозного спасения. Однако, если исключить экстремистские проявления эстетизма, а также религиозный и научный фанатизм, моральные ценности общепризнанно рассматриваются как преобладающие. В случае с религией ответом на конфликт требований могут быть две стратегии: а) расширение сферы нравственно допустимых и обязательных действий за счет исполнения тех общезначимых норм, которые считаются требованиями божества, а также за счет совершения тех уникальных поступков, которые прямо предписаны божеством, б) превращение морального качества норм и поступков, порожденных религиозным опытом, в своеобразный критерий подлинности этого опыта (по принципу: «аморальное не может быть заповедано Богом»). И в первом, и во втором случае мы сталкиваемся именно с выражениями такого формального свойства моральных принципов и норм, как приоритетность.

Три следующих формально-функциональных признака морали выявляются на основе ее соотнесения с правом и обычным регулированием поведения. Первое свойство, разграничивающее их между собой, касается объекта регулирования. Правовые нормы и обычаи не обращены к внутренней реальности человека, не предписывают мотивы и переживания. Они определяют должное поведение, а не должное качество личности. Осуждению подвергается физическое действие, а отсылка к мотивации необходима лишь для определения виновности совершившего его человека и для дополнительной квалификации

тяжести его деяния. Моральные принципы и нормы, напротив, всегда обращены к мотиву. Некоторые из них прямо предписывают и запрещают определенные переживания и тем самым создают основу для позитивной или негативной оценки свойств и проявлений личности вне их обязательной реализации в физическом действии. Например, ненависть к другому человеку будет противоречить заповеди любви, даже если из страха или природной бездеятельности человек, охваченный ненавистью, никак не реализует свои переживания. Другие моральные нормы запрещают и предписывают действия (как например, «не убий» или «не укради»), однако, делают это специфическим образом. Само по себе совершение человеком действий, заданных нравственной нормой, или воздержание от действий, запрещенных ею, не является достаточным основанием для их положительной моральной оценки. Для морального одобрения требуется соотнести действие и породивший его мотив. Лишь в том случае, если этот мотив не связан со стремлением получить выгоду или избежать личных потерь, если совершенное действие диктовалось уважением к норме и к стоящей за ней ценности, перед нами будет морально одобряемый поступок. В противном случае он останется морально нейтральным. Нарушения нравственных норм, предписывающих или запрещающих действие, оцениваются в рамках несколько иной логики. Совершение противоречащего норме действия может оказаться предосудительным и в тех случаях, когда мотивация была исключительно бескорыстной, связанной с признанием значимости определенных норм и ценностей, однако, имело место неправильное понимание ситуации совершения действия.

Второе свойство, отграничивающее мораль от правового и обычного регулирования, касается санкций, или тех негативных последствий нарушения нормы, посредством которых обеспечивается ее исполнение. Правовые санкции носят внешний и по преимуществу материальный характер. Они налагаются извне – специализированными понуждающими инстанциями и состоят в определенных материальных (физических) лишениях: потере свободы, потере имущества, потере возможности заниматься определенными видами деятельности, использовать знаки отличия и т.д. Напротив, моральные санкции имеют по преимуществу внутренний и всегда идеальный (духовный) характер. Они выстраиваются в следующий ряд по принципу от «внутренних» к «внешним»: угрызения совести, а также переживания вины и раскаяния, чувство стыда, осуждение со стороны другого человека (вплоть до солидарного общественного осуждения).

Наконец, мораль отличается от других систем регулирования человеческого поведения в связи со спецификой процесса интерпретации норм и вынесения оценок. Если в правовой сфере присутствуют специально уполномоченные инстанции, применяющие нормы к конкретным случаям, а также специальные инстанции, дающие официальное толкование норм, которые используются в правоприменении, то в сфере морали мы сталкиваемся с иной ситуацией. Мораль – это пространство, где каждый имеет право судить каждого, где у каждого есть право толковать предельно общие и доступные его понимаю императивы. Ведение вертикалей оценки и вертикалей интерпретации противно ее природе.

Содержательная сторона морали может быть реконструирована по упомянутым выше понятиям-маркерам, которые позволяют отграничивать моральный долг от долга религиозного, художественного, научного (напомню: «честное (справедливое) – нечестное (несправедливое)», «жестокое» – «милосердное (сострадательное)», «достойное» – «недостойное»). Мораль ориентирует действия каждого человека на достижение особого качества межчеловеческих отношений. Это качество определяется тем, в какой мере отношения между людьми воплощают в себе равную, внутреннюю, неинструментальную ценность каждого представителя человечества, т.е. в какой мере уважение к интересам и потребностям другого человека ограничивает поступки, продиктованные эгоистической или социально-конформистской мотивацией, и в какой мере оно само становится основой для совершения поступков. Деятельное признание неинструментальной ценности другого человека выражается в нескольких практических стратегиях: во-первых, в невреждении, которое зафиксировано в виде фундаментального нравственного запрета на насилие, но не связано с одним лишь тривиальным применением физической силы, во-вторых, в оказании помощи в ответ на явно выраженную ситуативную потребность в ней, и наконец, в-третьих, в осуществлении заботы, которая, в отличие от простой помощи, предполагает многостороннюю поддержку другого человека, включающую создание условий для его полноценной самореализации и для переживания им жизненного благополучия. Эти стратегии переплетены между собой и корректируют друг друга в определенных практических контекстах. С этим связано то обстоятельство, что, хотя мораль в целом может считаться абсолютной, нравственные предписания, диктующие каждую из перечисленных стратегий, не носят абсолютного характера, т.е. они могут ситуативно приостанавливать действие друг друга. Например, невреждение может ограничивать возможности оказания помощи, а требование помочь может повлечь за собой вынужденное причинение вреда.